

В конце недели

● Интервью
«Известий»

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

НИКИТА Владимирович Богословский — юбиляр не совсем обычный. Подвижный для своих семидесяти лет, резковатый в движениях, говорит быстро, весело и озорно. Это озорство и настораживало. Вспоминались подробности его некоторых розыгрышей. Поэтому, когда я спросил его, над чем он работает, и услышал, что над книгой, которая будет называться «Что было и чего не было», тут же подумал: а не шутка ли это?

Что было, это нам известно, об этом можно сколько угодно писать. Ведь были, например, такие замечательные песни, как «Темная ночь», «Спят курганы темные», «Любимый город», были музыкальные комедии «Раскинулось море широко», «Одиннадцать неизвестных», балет-сказка «Корольство кривых зеркал», была музыка к фильмам, спектаклям, наконец, были шесть его симфоний. Все это было, а чего же не было? Мои

попытки узнать об этом ни к чему не привели...

— Это пока авторская тайна, — ответил, улыбнувшись, Никита Владимирович. — Прочитаете в книге...

Но зато о том, что было, о состоявшихся встречах он рассказывает с огромным удовольствием. И если оставить без внимания тот незабвенный период, который сам он в книге «Музей муз» назвал «Счастливые ползунковые годы», то вся последующая жизнь его связана с действительно интересными людьми. В тринадцать лет он занимался композицией у Александра Глазунова. Замечательный русский композитор играл с ним в четыре руки музыку к балету «Раймонда», рассказывал о жизни композиторов «Могучей кучки».

— И вот что удивительно, — вспоминает Никита Владимирович, — получив такое классическое музыкальное образование, свою композиторскую деятель-

ность я начал с сочинения формалистической музыки. Объяснить это, конечно, можно: время было такое, все искали новых форм выразительности. Правда, довольно скоро для меня стало ясно, что такая музыка никого не волнует и никому не нужна. Лишний раз я убедился в этом, когда, по рекомендации Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, написал музыку к фильму «Остров сокровищ». Прослушав все, что я сочинил, режиссер картины погрузился, а потом все же попросил написать три песни. Хорошенькое дело — песни! А как их писать? Стал пересматривать все существующее в этом жанре, и вскоре заказ был выполнен. К моему удивлению, песни остались в фильме. Врт так состоялась моя встреча с песней, которой я посвятил потом значительную часть своего творчества.

Да, песня сопутствует ему всю жизнь. Она же дарит ему множество незабываемых встреч. — Первое свое сочинение

«Вальс» я преподнес девочке из соседней школы, когда она пригласила меня на день рождения. Папа у нее был, по моим тогдашним понятиям, ужасно старый человек — двадцати девяти лет. С ним — Леонидом Осиповичем Утесовым я дружил потом чуть ли не шестьдесят лет, и многим моим произведениям он дал, как говорится, путевку в жизнь.

— Вы всегда были верны своим исполнителям?

— Да. Очень важно знать индивидуальность артиста, для которого пишешь песню, особенности его исполнительского мастерства. И я всегда с удовольствием писал для Утесова, для Бернеса, для Лемешева. Исполнитель в этом случае становится соавтором. Певец может погубить песню, а может и возродить ее. Теперь уже мало кто знает, что «Подмосковные вечера» впервые прозвучали в одном заурядном фильме. И никакого события. А стоило ее спеть Трошину, в прекрасной обработке

Кнушевицкого, и она стала событием. Это, пожалуй, единственная песня, которой я завирую. Мне даже кажется, что если бы ее не написал мой добрый друг Соловьев-Седой, то обязательно написал бы я.

— Кстати, о кино. Не кажется ли вам, что песня в кино несколько потеряла свое значение?

— Да, она из активного действующего «лица» превратилась просто «в звучащий фон». Ведь вспомните: «С чего начинается Родина?» звучит «на титрах». В фильме в это время нет действия. А зачастую наоборот, песня звучит во время действия. И зрители плохо слушают ее, боясь упустить суть происходящего. Другое дело песня в фильмах Александрова, Пырьева, Лукова...

— С Луковым вас связывала особенно крепкая творческая дружба?

— Это был удивительно чуткий к музыке человек. В фильме «Два бойца» он почувствовал, что в землянке невозможно обойтись без песни. Тогда он пришел ко мне, подробно объяснил эту сцену, состояние героев. И тут, надо оговорить-

ся, что это было единственный раз в моей жизни: я сел за рояль и под впечатлением его эмоционального рассказа сыграл всю «Темную ночь» до самого конца без единой помарки. Так что она сочинялась ровно столько, сколько звучит. Потом уже поэт Агатов написал стихи.

— Никита Владимирович, а как вы относитесь к нынешней песне?

— Надо сказать, что сегодня хороших песен не меньше, чем их было всегда. Вот только они «тонут», теряются среди «серых», бездарных произведений. У меня такое чувство, что нет у некоторых, особенно молодых авторов, чувства ответственности за свое творение. Главное, чтобы оно было исполнено, и неважно, что оно несет в себе.

— Никита Владимирович, нынешний год для вас был весьма плодотворным: в спектакле «Роза и крест» в театре имени Евгения Вахтангова звучит ваша музыка, в Камерном музыкальном театре идут ваши музыкально-лирические драмы «Незнакомка» и «Балаганчик».

— Я мечтаю сделать такой спектакль, где слово будет заметно переходить в вокал, и вот кое-что мне удалось сделать в «Балаганчике» и «Незнакомке», а вот на музыку к пьесе Блока «Роза и крест» меня вдохновил Евгений Рубенович Симон. И она там звучит в исполнении оркестра театра под управлением замечательного дирижера Архангельского, что в общем необычно по нынешним временам, когда музыка в драматическом театре звучит лишь в записи...

Никита Владимирович Богословский известен и как общественный деятель. Известен и у нас, и во Франции. Ведь он — один из президентов общества дружбы «СССР — Франция».

Частыми бывают встречи с французскими композиторами, поэтами. Большую работу ведет он и в Союзе композиторов в комиссии советской песни. Сегодня он полон сил, энергичен, деятелен, у него масса замыслов, а значит, и мы, слушатели, можем надеяться на встречу с новыми произведениями прекрасного мастера!..

Г. НЕСТЕРОВ.